

СТОЯНКА КУЧИМИНСКОЕ 40.1: ФАКТЫ, КОММЕНТАРИИ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

К.Г. Карачаров*, Л.Л. Косинская**, В.И. Стефанов**

Публикуются материалы стоянки Кучиминское 40.1, расположенной в Западной Сибири, в Сургутском Приобье. Несмотря на лаконичность комплекса и относительно хорошую археологическую изученность региона, оказалось невозможным четко вписать его в современную схему периодизации древностей севера Западной Сибири. Он может быть отнесен и к неолиту, и к раннему периоду бронзового века, а набор каменных орудий — в том числе к мезолиту. Цель работы — вовлечь широкий круг исследователей в обсуждение представляемых материалов и поиск новых фактов для его правильной интерпретации.

Мезолит, неолит, бронзовый век, каменный инвентарь, керамика, стоянка, Кучиминское 40.1, Западная Сибирь, Обь, Сургутское Приобье, Сайгатина.

Остатки, связанные с кратковременной стоянкой, получившей название Кучиминское 40.1, были обнаружены в 2009 г. при аварийных раскопках средневекового могильника и селища раннего железного века близ д. Сайгатина Сургутского р-на ХМАО — Югры. Обнаружены и в том же полевом сезоне исследованы, как мы полагаем, полностью. О полученных при этом находках, условиях их залегания и вариантах интерпретации очень необычного комплекса пойдет речь в предлагаемой работе.

Сайгатинское урочище находится на правом берегу р. Оби, приблизительно в 20 км от г. Сургута. Оно представляет собой останец коренной террасы площадью около 6 км², со всех сторон ограниченный пойменными болотами, озерами, речками и протоками. До основного русла Оби по пойме около 1,4 км. Почвы в урочище на сухих участках песчаные и супесчаные, при переходе к пойме встречаются суглинки. Когда-то останец практически полностью был покрыт сосновым лесом с примесью кедра, березы, осины, в травяно-кустарничковом ярусе господствовали брусничник, багульник, ягель. В настоящее время на территории урочища значительную долю занимают техногенные ландшафты, а естественные изменены чрезмерной антропогенной нагрузкой. Здесь возведены производственные сооружения животноводческого комплекса, современный жилой район д. Сайгатина, дачи, объекты обустройства нефтяного месторождения, дороги, ЛЭП, магистральные трубопроводы.

Многим западно-сибирским археологам Сайгатинское урочище известно как место очень высокой концентрации археологических памятников. Здесь выявлено более 40 селищ (количество жилых и иных построек на некоторых превышает два десятка) 23 городища, 7 грунтовых могильников, около 10 местонахождений, святилищ, поминальных комплексов. Специалистам, занимающимся средневековьем, оно знакомо по ярким материалам сайгатинских некрополей, исследование которых проводится здесь с 1981 г. Малоизвестен другой факт: в составе уникального археологического комплекса отсутствуют памятники, достоверно относящиеся к неолиту и энеолиту, а бронзовый век представлен единственным пунктом — культовым местом или погребением «литейщика» Сайгатино VI, открытым отчасти случайно. Это тем более странно, учитывая многочисленность памятников эпохи камня и бронзы в ближайшей от д. Сайгатина округе — на Барсовой Горе, реках Быстрый Кульеган, Серебрянка, Черная и др. Пример со стоянкой Кучиминская 40.1 показал, что в действительности ранние объекты в урочище есть, но они, по-видимому, носят кратковременный характер и по этой причине не имеют выраженных в рельефе признаков. Обнаружить такие памятники обычно применяемыми методами археологических разведок практически невозможно.

Отложения в культурном слое и инвентарь, имеющие отношение к стоянке, выявлены в ходе раскопок средневекового могильника Сайгатинский IV и селища раннего железного века Кучиминское XL, включающего неуглубленные постройки белоярской и кулайской археологических культур. Памятники расположены на северном берегу проток Большая Гнилая и Проточка,

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 10-06-00405а.

Стоянка Кучиминское 40.1: факты, комментарии, интерпретации

на участке коренной террасы высотой 1–2 м над уровнем поймы (рис. 1, 2). В 0,13 км к югу находится пойменное озеро, в 0,5 км к северу начинается зона застройки д. Сайгатина. В центральной части селища, перекрытой погребениями могильника, почвенный слой был срезан и изрыт на значительную глубину в процессе прокладки и обустройства магистрального нефтепровода (основная и резервная нитки, задвижки, ЛЭП, подстанция и др.). На прилегающих к могильнику и селищу участках находятся различные объекты других археологических памятников (рис. 2). За все годы раскопок (1986–1988, 1990, 2009) на рассматриваемой территории вскрыто 4898 м². При этом исследовано 241 погребение, несколько сооружений разных периодов раннего железного века. Что касается интересующих нас остатков, то они обнаружены только в одном месте — в восточной части раскопанной площади.

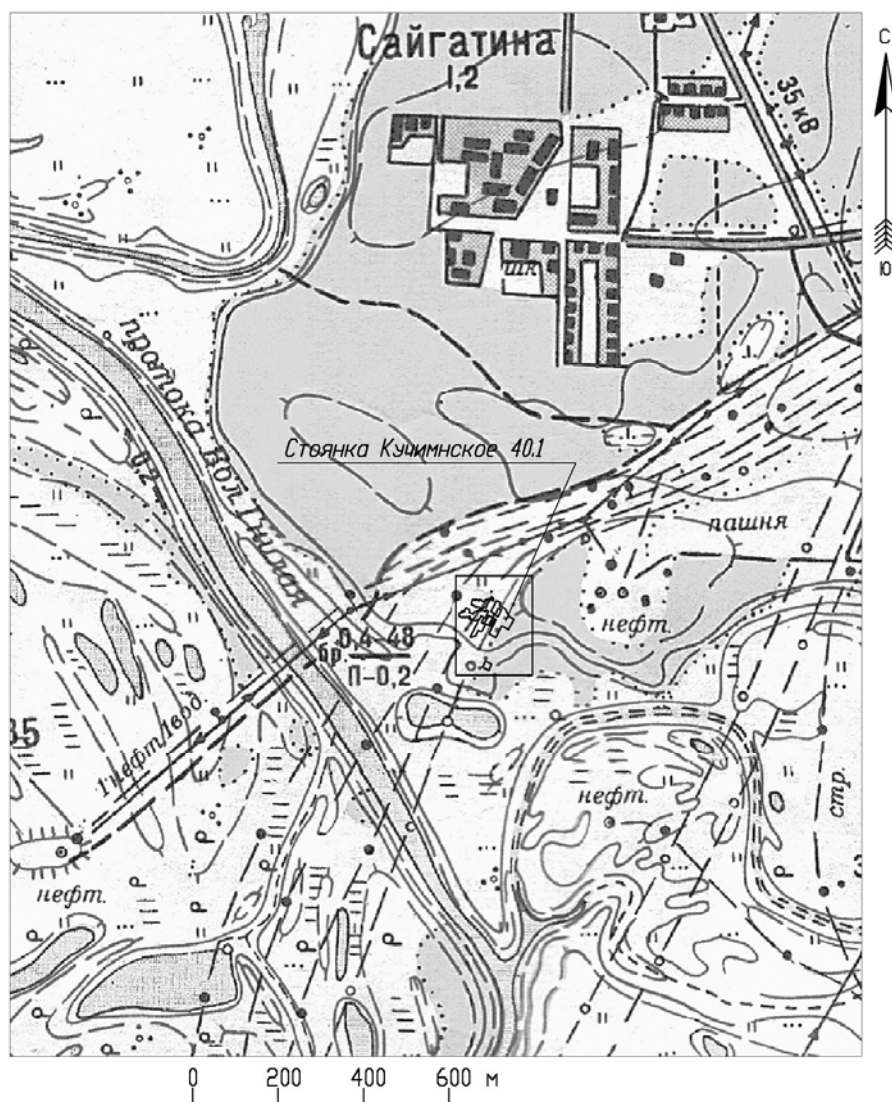


Рис. 1. Схема расположения стоянки Кучиминское 40.1

На расстоянии 6–7 м к юго-востоку от погребения № 263 на глубине 0,05–0,3 м от современной поверхности зафиксировано пятно супеси желто-коричневого цвета с многочисленными вкраплениями мельчайших углистых частиц (рис. 3). Пятно не сплошное, имеет аморфные очертания с «рваными» краями. Оно вытянуто по линии запад — восток на 12 м при ширине до 5–6 м, занимая площадь около 60 м². Мощность слоя, отличавшегося от материкового желтого песка составом и коричневатой окраской, составляла в среднем около 20 см. К данному пятну в

основном приурочен обломочный керамический материал, причем наибольшая концентрация черепков отмечена в его западной части. В этом же слое зафиксирован неправильной формы провал с прослойками углистой массы, размерами 1,4×1,2 м и толщиной до 0,2 м (рис. 3). Фрагменты сосудов изредка попадались за пределами супесчаного пятна, а в 4,5 м к северу от него, рядом с могильной ямой, обнаружено скопление каменных предметов. Складывается впечатление, что изначально они располагались компактно, кучкой, но позднее были переотложены, скорее всего, корнями вывороченного дерева на более широкой (до 3,5 м²) площади и разных глубинах. В непосредственной близости от данного скопления найден только один обломок сосуда раннего облика. Отсутствие каких-либо других археологически выявляемых следов древней стоянки не позволяет конкретизировать ее характеристику.

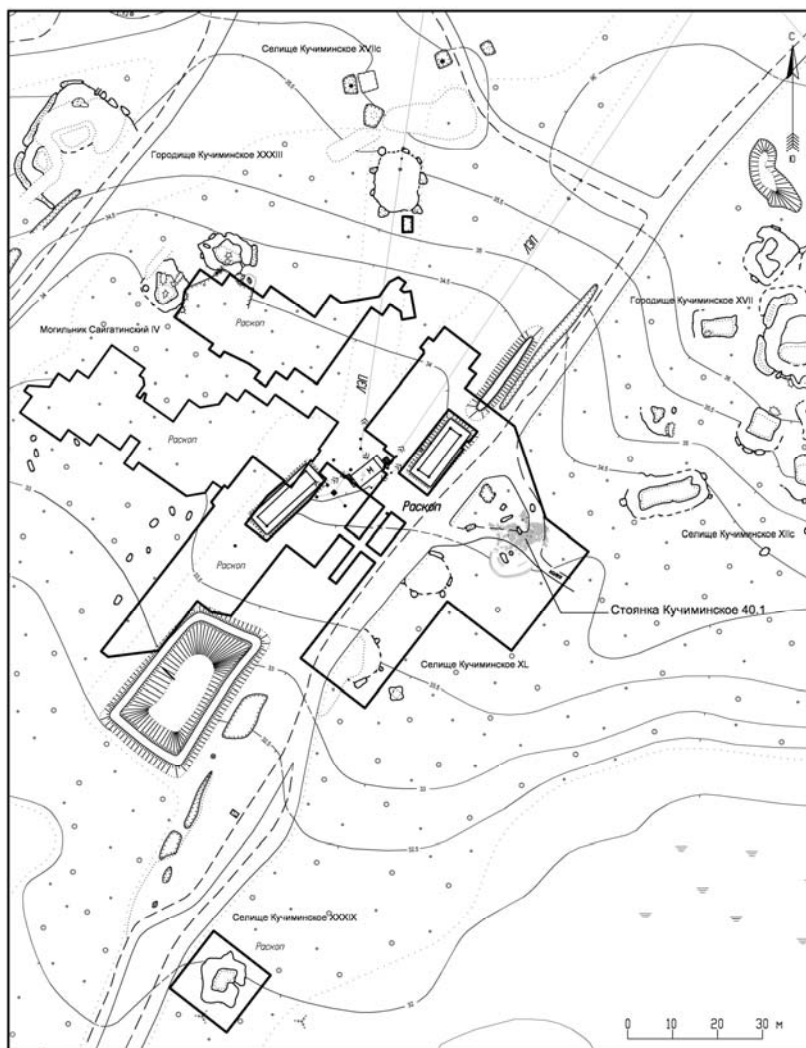


Рис. 2. Стоянка Кучиминское 40.1. План

В рассматриваемой части раскопа встречались также обломки кулайских сосудов, но в стратиграфической колонке они занимали более высокую позицию и к данному памятнику отношения не имеют. Таким образом, ранний — по отношению к средневековому некрополю и слоям селища раннего железного века — инвентарный комплекс представлен исключительно каменными предметами и керамикой. Обратимся к находкам.

Коллекция каменного инвентаря (рис. 4) включает 18 предметов: 9 пластинок, в том числе 3 с ретушью, 3 скребка на отщепках, отщеп с эпизодической ретушью, вторичный краевой скол, мелкий осколок и 3 чешуйки. Кремневое сырье представлено разновидностями коричнево-серых тонов, единично — однотонным серым полупрозрачным кремнем, темно-серым кремни-

Стоянка Кучиминское 40.1: факты, комментарии, интерпретации

стым сланцем, темно-коричневым яшмовидным кремнем. Пластины и отщепы сходны по сырью и в этом отношении составляют единый комплекс.

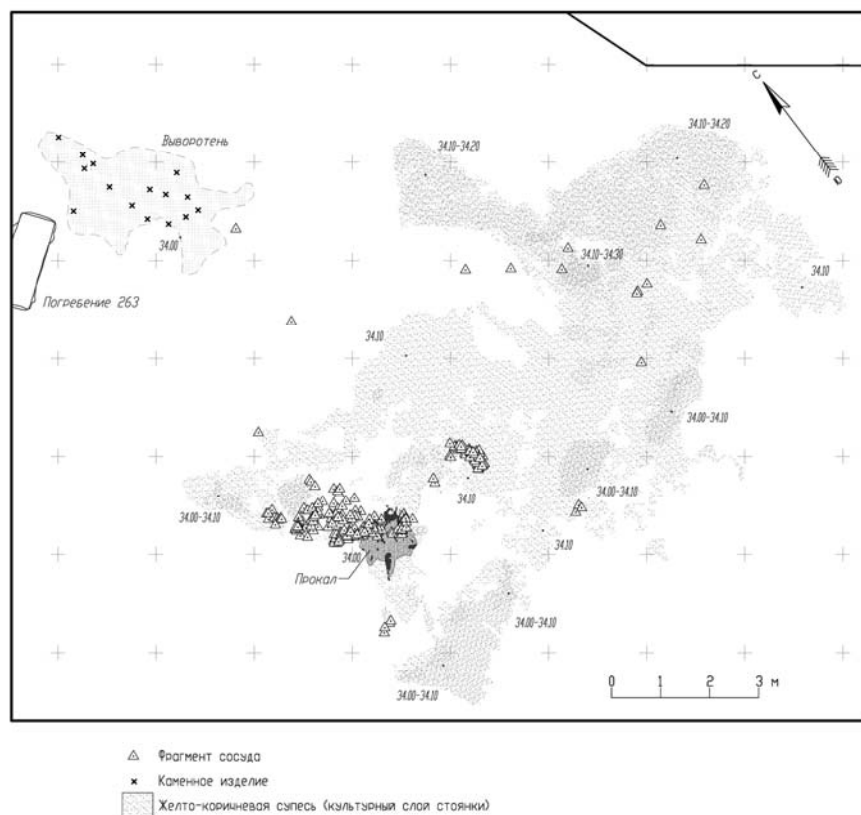


Рис. 3. Стоянка Кучиминское 40.1. Схема распространения находок и культурного слоя

Пластинки (9 экз.): одна целая, одна с усеченным дистальным концом, 3 проксимальных фрагмента, 4 медиальных фрагмента. Спинки 2–4-гранные, огранка правильная параллельная. Размеры целой пластинки 27×8×2 мм, длина фрагментированных 20–39 мм, ширина 4–7 мм, толщина 1–2 мм. Одна из пластинок представлена двумя подбирающимися фрагментами, проксимальным и медиальным, общей длиной 41 мм (рис. 4, 7). Ударные площадки пластинок (5 экз.) в плане слабовыпуклые и изогнутые, с гладким рельефом (4 экз.), одна фасетирована. Ширина ударных площадок 1,5–2,5 мм, глубина 0,3–0,5 мм, край обработан торцеванием, угол скалывания 90–95°. Судя по профилю и огранке, пластинки сняты с конусовидных или призматических нуклеусов, одна — с основания такого нуклеуса (рис. 4, 6). Толщина пластинок, характеристики их ударных площадок и ударных бугорков (плоские и слабовыпуклые, длиной 2–3 мм) указывают на расщепление техникой ручного отжима или удара через посредник, а такие особенности, как «губа» на внутреннем крае ударной площадки и отсутствие изъяснца на ударном бугорке, — на использование мягкого отжимника, костяного или рогового.

Две пластинки несут мелкую краевую вентральную ретушь по одному боковому краю, у третьей, кроме того, с узкого конца снят резцовый скол и дорсальной ретушью обработан торец (рис. 4, 10). Это торцевое лезвие повреждено глубоким сколом, и его функция не устанавливается. Характер макро- и микроизноса неретушированных боковых краев свидетельствует об их использовании в качестве режущих инструментов (рис. 4, 6, 9, 10), а ретушированных лезвий — в качестве пилок (рис. 4, 10–12) для обработки твердых волокнистых материалов — древесины или размягнутой кости. Единственное сечение неправильной пластины (рис. 4, 5) отличается размерами (20×15×4,5 мм), боковые края обработаны мелкой краевой полукруглой дорсальной ретушью. Изделие служило скобелем по древесине.

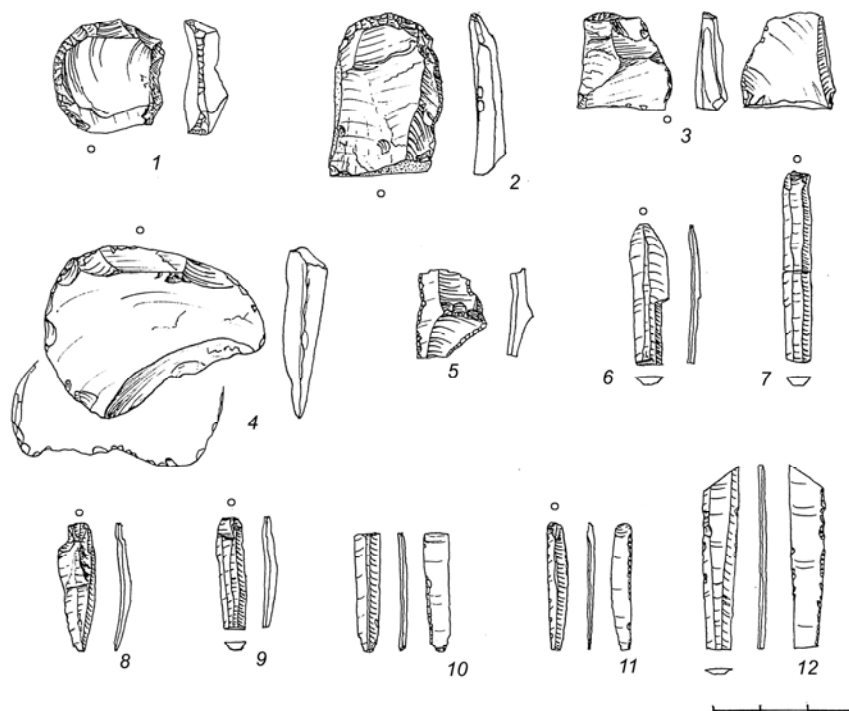


Рис. 4. Стоянка Кучиминское 40.1. Каменный инвентарь

Скребки (3 экз.) изготовлены из отщепов, лезвия обработаны параллельной отвесной, крутой и полукрутой ретушью. Подпрямоугольный скребок (25×23×7 мм) с двумя смежными дуговидными лезвиями служил для обработки шкур (рис. 4, 1). Использованная для него заготовка, полученная ударной техникой, возможно, является сколом подоживления площадки нуклеуса. Концевой скребок на удлиненном плоском сколе (32×23×6 мм), с дуговидным лезвием (рис. 4, 2), и концевой скребок на коротком отщепе (21×20×6 мм), с прямым лезвием (рис. 4, 3), использовались как скребели по древесине или размягченной кости. Боковой край последнего, судя по ретуши утилизации, служил пилкой, вероятнее всего, по кости.

Плоский отщеп (46×35×8 мм) с эпизодической дорсальной ретушью и фасетками утилизации (рис. 4, 4) отличается слабо окатанной поверхностью. Остальные кремневые изделия являются отходами: мелкий вторичный краевой скол, три мелких отщепов (чешуйки), мелкий осколок. Чешуйки сняты ударом или ударом через посредник с использованием мягкого (костяного, рогового) инструмента, т.е. теми же приемами, что и пластинки.

Керамический комплекс состоит более чем из 590 черепков, в основном мелких и очень мелких. Судя по некоторым особенностям формовки, морфологическим данным, композиционному построению орнамента и способам его исполнения, обломочный материал происходит всего от 4 сосудов. Ни один из них не собирается полностью, тем не менее по имеющимся фрагментам удалось представить форму и размеры трех емкостей (рис. 5). Специальные анализы керамики раннего комплекса не проводились, поэтому ее технологическая характеристика, основанная на визуальном восприятии, носит ограниченный и в известной степени предположительный характер. Заслуживает внимания тот факт, что многие черепки в момент обнаружения имели очень плохую сохранность, они не превратились в элементарную крошку исключительно благодаря пропитке клеевым раствором в полевых условиях.

Сосуды изготовлены вручную. Формовочная масса грубо-текстурная. Диагностика искусственных примесей затруднена по причине их невыраженности. В качестве таковых, вероятно, использовались сухая глина и мелкие охристые частицы, не исключены органические (выгорающие) добавки. Изредка фиксируемые в изломах черепков окатанные галечки и частицы дробленой породы, скорее всего, внесенные в глину непреднамеренно. Стенки наращивались из лент или расформованных жгутов путем внутреннего подлепа. Поверхность сосудов подвергалась обработке твердым орудием-шпателем, а с внешней стороны, возможно, и замывалась.

Стоянка Кучиминское 40.1: факты, комментарии, интерпретации

Наружная поверхность у всех экземпляров обработана значительно лучше, чем внутренняя — шероховатая, с кавернами, порами, рельефными бороздками.

Реконструированные емкости представляют собой плоскодонные банки вытянутых пропорций с плавным (сосуды 1, 3, см. рис. 5, 1, 3) и ребристым (рис. 5, 2) профилем тулова. Они крупные, толстостенные, слабозакрытые (табл.).

Параметры сосудов

Сосуд	Диаметр по венчику, см	Наибольший диаметр тулова, см	Диаметр дна, см	Общая высота, см	Толщина стенок, мм	Примечания
1	~23	24,5–25,5	9,2–9,4	27,5	8,5–11	Пятна нагара
2	29–31	32	~12	~32,5	8–10–12	Следы ремонта, нагар
3	Не менее 26–27	~30	13–14	Не менее 27–28	10–12–14	Нагар

Зона наибольшего расширения расположена выше середины сосудов, дна маленькие — в 2–2,5 раза меньше диаметра устья и в 2,3–2,7 раза меньше наибольшего диаметра по тулову. Венчики двух сосудов (у сосуда 3 фрагменты устьевой части отсутствуют) уплощенные, у сосуда 1 он еще слегка скошен наружу.

Все емкости орнаментированы. Венчики украшены по срезу наклонными оттисками штампа, которым выполнены узоры и на тулове. У сосуда 1 они расположены близко друг к другу, от чего край горловины приобрел зубчатый (гофрированный) контур. Стенки сосудов от венчика до дна покрыты однообразным несложным узором, состоящим из повторяющихся горизонтальных рядов отпечатков орнамента — вертикальных или с наклоном вправо. Обращают на себя внимание так называемые орнаментальные сбои или нарушения орнаментального ритма. Типичным примером подобных нарушений являются разрывы орнаментального яруса (фриза, пояса), когда начало и конец «записи» не стыкуются (см., напр., рис. 5, 1, 2). Нерегулярность композиции объясняется тем, что состоящие из отдельных оттисков ряды нанесены не строго горизонтально: в одних местах они плавно поднимаются, в других, напротив, опускаются. Соответственно расширяются или сужаются промежутки между рядами. На сосуде 1 в приустьевой зоне прослеживается поясок небольших сквозных ямок; пару просверленных отверстий в верхней части сосуда 2, по-видимому, следует рассматривать как свидетельство его ремонта. Декор в целом неплотный, придонная часть сосуда 3 вообще не украшена. Днище сосуда 1 не орнаментировано; у сосуда 3 сохранилась только периферийная часть дна, следов орнаментации на ней тоже нет. На поверхности дна сосуда 2, представленного небольшим сегментом, заметны вмятины, возможно, оставленные каким-то штампом. Но следы крайне невыразительные.

Описываемую коллекцию связывает еще одна общая черта: по оттискам на стенках сосудов сложно идентифицировать сами орнаменты. Узоры наносились способом штампования, но из-за нечеткого оформления рабочего края инструментов и в зависимости от угла их наклона и глубины проникновения на поверхности оставались отпечатки, похожие, даже в одном ярусе, то на гребенчатый штамп, то на гладкий. Впрочем, на сосуде 1 следы работы зубчатым штампом видны отчетливо, а сосуд 3 достоверно украшен гладким штампом.

О сосуде 4 по найденным обломкам — очень мелким, крошащимся — нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что он имел толстые стенки (9–13 мм), штриховые следы на внутренней поверхности, подвергался ремонту и был орнаментирован орудием с зубчатым рабочим краем.

Несмотря на фрагментарность и малочисленность, анализируемая выборка по сумме технологических, морфологических и декоративных признаков безусловно представляет единый комплекс.

Определение возраста керамического комплекса стоянки с помощью радиоуглеродного метода положительных результатов не принесло. В лабораторию геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева были направлены четыре образца угля из участка с наибольшей концентрацией керамики. Один образец происходил с границы желто-коричневого слоя и прокала; второй и третий — из прокаленного слоя, четвертый — из прилегающего желто-коричневого. Представленные образцы дали сильно отличающиеся даты: СОАН-8062 — 5895±90 лет; СОАН-8206 — 3315±30 лет; СОАН-8211 — 3275±50 лет; СОАН-8212 — 2940±50 лет (анализ выполнен ст. науч. сотр. лаборатории к. г.-м. н. Л.А. Орловой). Попутно заметим, что из 21 даты, полученной по образцам из погребений могильника Сайгатинский IV, расположенных на том же участке террасы, только 8 хоть как-то согласуются с хро-

нологией сопровождающего инвентаря. При этом разброс дат составил почти 2000 лет. Учитывая сильное техногенное воздействие, сопровождавшееся в том числе разливами нефти и нефтепродуктов, мы склонны объяснить такой разнотой загрязнением территории веществами, непосредственно оказавшими влияние на концентрацию радиоактивного изотопа углерода в отобранных пробах.

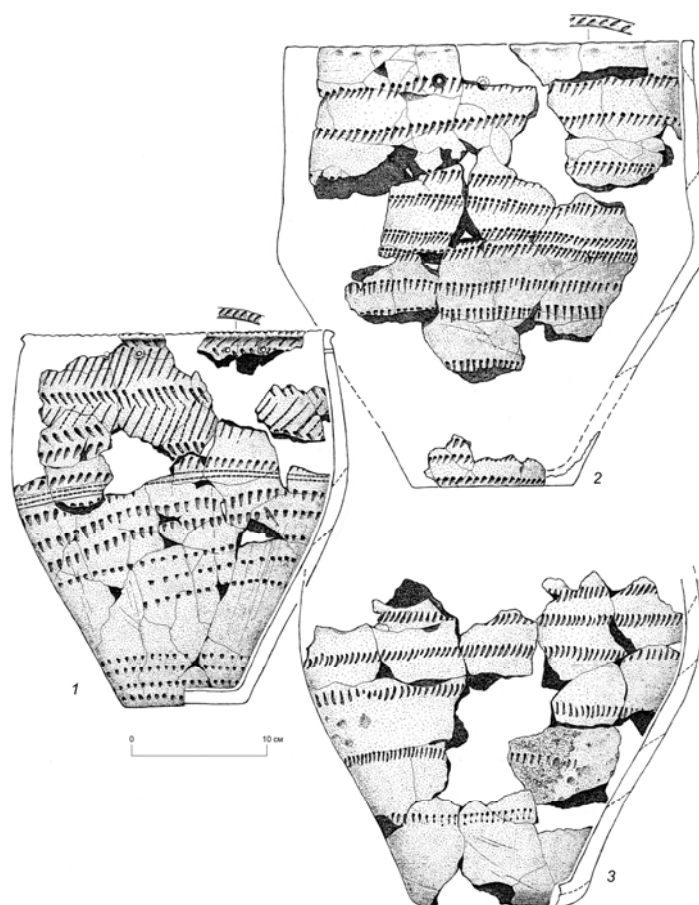


Рис. 5. Стоянка Кучиминское 40.1. Керамика

Задача интерпретации описанного выше материала вызывает серьезные затруднения. Планиграфия и стратиграфия находок не дает полной уверенности в том, что кремневый инвентарь составляет единый комплекс с керамикой, сконцентрированной вокруг кострища, как нет и фактов, опровергающих их взаимосвязь. Неопределенность ситуации усугубляется значительным разбросом полученных абсолютных дат.

Кремневый инвентарь, в силу малочисленности и узкоспециализированного набора изделий, лишен каких бы то ни было хронологически- и культуроопределяющих признаков. Поэтому попробуем проанализировать возможные варианты его культурно-хронологической атрибуции исходя из их технико-морфологических и технологических характеристик. Микролитический характер пластинок стоянки Кучиминское 40.1 позволяет сопоставлять их с памятниками широкого хронологического диапазона, от мезолита до эпохи бронзы. В Сургутском Приобье стоянки достоверно мезолитического возраста до сих пор не известны. Территориально ближайшие находятся в бассейне Конды и в верховьях Пякупура (Пямали-яха IV). С рассматриваемым комплексом их сближает сочетание микропластинчатых кремневых изделий с орудиями на отщепках, в частности со скребками. Отличие заключается в широком распространении в мезолитических коллекциях изделий с резцовыми сколами [Беспрозванный, 1997; Погодин, 1998].

Ближайшие неолитические памятники, содержащие микропластинчатые кремневые комплексы, расположены в Сургутском Приобье (селище Черная 3) и Нижнем Приобье (городище Амня I). Кремневый инвентарь селища Черная 3 происходит из раннеолитического жили-

Стоянка Кучиминское 40.1: факты, комментарии, интерпретации

ща 1а, перекрытого жилищем быстринской неолитической культуры. Он немногочислен (43 экз., в том числе 21 микропластинка) и, подобно сайгатинскому, узкоспециализирован [Косинская и др., 2011, с. 212–215]. Микропластинки обоих комплексов сходны по метрическим и технико-морфологическим показателям. Пожалуй, незначительные различия усматриваются в менее ровной огранке и несколько укороченных пропорциях фрагментов пластинок Черной 3, а также в признаках вероятного использования как мягкого, так и твердого отжимника/посредника при их изготовлении. Но эти особенности вряд ли существенны, учитывая незначительные размеры выборок. В коллекции городища Амня I преобладает инвентарь из кварца и мягких пород, кремневые изделия составляют лишь небольшую ее часть и связаны преимущественно с техникой призматического расщепления [Морозов, Стефанов, 1993, с. 161–163; Стефанов, Борзунов, 2008, с. 105, 107]. Просмотр коллекции показал, что выборка кремневых пластинок памятника (32 экз.) по основным показателям также сходна с кучиминской, включая и такой признак, как систематическое использование мягкого отжимника или посредника. Отличия амнинских пластинок заключаются в меньших углах скалывания (80–85°), большей вариабельности размеров ударных площадок (ширина 1,5–4 мм, глубина 0,4–1,9 мм) и, как и в случае с Черной 3, менее ровной огранке. Отметим также, что в обеих неолитических коллекциях отсутствуют кремневые скребки.

Последний из возможных вариантов сопоставления — памятники эпохи бронзы, в состав инвентаря которых входят кремневые пластинки. Один из них — могильник сейминско-турбинского типа Сатыга XVI на р. Конде. Кремневый инвентарь могильника наряду с двусторонне ретушированными наконечниками стрел и ножами включает крупные ножевидные пластины, а также несколько узких и микропластинок [Сатыга XVI..., 2011, с. 47–48]. Последние близки к анализируемым размерами, правильным ограничением, но чуть толще в сечении (2–3 мм); среди них также имеются медиальные фрагменты — вкладыши. Скребки, отсутствующие на Сатыге XVI, имеются в инвентаре другого могильника сейминско-турбинского типа — Товкуртлор 3, в том числе изделия подчетыреугольной формы [Стефанов, 2006, с. 53]. Ножевидные пластины, среди которых есть миниатюрные, представлены в коллекции находок из Турбинского могильника [Бадер, 1964, с. 108].

Обратившись с аналогичной задачей к керамическому материалу стоянки, мы также не получим однозначных, не вызывающих сомнения выводов. Причины те же, что и для кремневого инвентаря: слишком малая выборка, невозможность использования абсолютных дат для определения ее хронологической позиции, слабая изученность региона. Тем не менее какие-то выводы сделать можно. Очевидно, что из числа рассматриваемых следует сразу исключить мезолитический вариант датировки кучиминских сосудов. Не подлежат обсуждению варианты отнесения их к раннему железному веку или средневековью. Бесперспективны поиски соответствий им в энеолитических памятниках Западной Сибири, Урала и других территорий — такой керамики в них нет. Остаются два варианта — позиционировать посуду стоянки Кучиминское 40.1 в горизонте древностей бронзового века либо соотносить ее с комплексами эпохи неолита.

Как это ни покажется странным, но кучиминские сосуды действительно имеют определенное сходство с керамикой и раннебронзовых, и неолитических поселений таежного Обь-Иртышья. Причем практически по одним и тем же признакам. Рыхлое тесто, плоское маленькое дно, баночная форма, вытянутые пропорции, «расчесы» на внутренней поверхности, уплощенный срез венчика, горизонтальная зональность декора, использование зубчатых и гладких штампов при нанесении узоров, поясok ямочных вдавлений в зоне под венчиком — эти и некоторые другие черты присущи, например, керамике кульеганского типа (бронзовый век) [Стефанов, 2002; Чемякин, 2008; Борзунов и др., 2011а, б] и пока немногочисленных памятников «плоскодонного» неолита. Показательна в этой связи ситуация с селищем Барсова Гора II/9 под Сургутом: продолжительное время его материалы, в том числе керамика, относились исследователями к раннему этапу бронзового века [Чемякин, Карачаров, 2002, с. 25–28; Чемякин, 2008, с. 37–40], но после получения серии радиоуглеродных дат были «переаттестованы» в неолитические [Чемякин, 2010, 2011].

Напомним, что памятники зауральской боборыкинской культуры, неолитическая принадлежность которых сейчас не подвергается сомнению, первоначально относили к энеолиту [Сальников, 1962, с. 27–28] и ранней бронзе [Крижевская, 1977, с. 94]. Плоскодонная неолитическая керамика не сразу была распознана в коллекции селища Самусь IV (петровоборский тип, см. [Рудковский, 2005]).

Мы далеки от мысли напрямую связывать кучиминскую выборку с неолитической керамикой типа найденной на селище Барсова Гора II/9, каюковской [Ивасько, 2008], петровоборской

или амнинской [Морозов, Стефанов, 1993; Стефанов, Борзунов, 2008]. Обратим лишь внимание на интересную особенность: известные в лесной зоне Западной Сибири неолитические керамические комплексы с плоскодонной посудой мало похожи друг на друга, они все разные. То есть, критически оценивая источниковую базу ранних периодов археологии таежного Обь-Иртышья, принимая во внимание открытый характер кучиминской стоянки и не находя веских контраргументов, мы не вправе категорически, «сходу» отвергать возможность отнесения этого памятника к неолитическому времени. В этом гипотетическом варианте керамика стоянки может рассматриваться в комплексе с каменным инвентарем микролитического облика, подобная связь зафиксирована на городище каменного века Амня I в Нижнем Приобье. Кстати, одна из радиоуглеродных дат стоянки Кучиминская 40.1 (5895 ± 90 лет) согласуется с датировкой образцов из жилища 7 селища Барсова Гора II/9 (5940 ± 110 , 5840 ± 50), но даты, полученные из двух других жилищ селища, как и городища Амня I, значительно древнее [Чемякин, 2010, с. 361; 2011, с. 248; Стефанов, Борзунов, 2008, с. 109–110].

Другая версия на первый взгляд более предпочтительна. Она основывается на сходстве кучиминских сосудов с керамикой западно-сибирских таежных памятников эпохи бронзы. Список общих признаков, приведенный выше, можно дополнить такими, как небрежная обработка поверхности, орнаментация венчика, элементарная композиция узоров. Однако их совокупный информационный «вес» все равно оказывается недостаточным для определения точного положения стоянки в ряду известных археологических комплексов этого времени. Существенные отличия обнаруживаются при сравнении декора и технических приемов его выполнения. На той же кульеганской посуде орнаменты построены по классической «гребенчато-ямочной схеме», они сплошные, плотные, заходят на дно, включают горизонтальные линии, мотивы зигзага, изредка — геометрические фигуры, элементы вертикальной зональности. Гребенчатая техника орнаментации в кульеганских комплексах господствует, узоры выполнялись также в прочерченной, желобчатой технике, гладкий штамп использовался редко, очень редки формованные или налепные валики. Кучиминские сосуды определено не кульеганского типа, но они не похожи и на гребенчатую керамику культового памятника Сайгатино VI (следующий этап бронзового века в региональной периодизации) и еще менее соответствуют характеристикам посуды позднебронзовых культур Сургутского Приобья — барсовской и атлымской [Чемякин, 2008]. И все же, несмотря на негативные результаты сравнительного анализа, исключить вариант толкования кучиминской коллекции как относящейся к бронзовому веку нельзя.

Таким образом, если приуроченные к прокалу и пятну желто-коричневой супеси обломки сосудов образуют единый комплекс с предметами из камня, лежавшими чуть поодаль, положение этого оригинального памятника с равными основаниями может быть установлено среди как неолитических (скорее, ранне-неолитических), так и раннебронзовых культурных образований таежного Обь-Иртышья.

Еще одна из возможных версий основывается на вполне резонном допущении, что кучиминские изделия из камня и керамика не связаны между собой, что благодаря необъяснимому стечению обстоятельств они оставлены практически в одном, ничем не примечательном месте, но в разное время. Соответственно каменный инвентарь может датироваться в интервале мезолит — бронзовый век, а керамический материал — либо неолитом, либо бронзовым веком.

Все выдвинутые версии следует признать равновероятными: ни одна из них не может быть доказана, равно как и безапелляционно отвергнута. Полученный из раскопок и привлекаемый материал явно недостаточен для целей археологической интерпретации исследованной стоянки (или стоянок?). Попытка найти решение проблемной ситуации, основываясь на профессиональной интуиции авторов, также оказалась безуспешной — мнения в оценке комплекса не совпали. Остается сетовать на ограниченность наших знаний о древнейших периодах археологии даже в таком относительно хорошо изученном районе, как Сургутское Приобье, и ожидать появления новых фактов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бадер О.Н. Древнейшие металлургии Приуралья. М.: Наука, 1964. 176 с.
Беспрозванный Е.М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири: (Предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 26–38.

Стоянка Кучиминское 40.1: факты, комментарии, интерпретации

- Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г.* Быстрый Кульеган 38 — укрепленное жилище эпохи бронзы в Сургутском Приобье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011а. № 2 (46). С. 55–69.
- Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г.* Раскопки укрепленного жилища эпохи бронзы Быстрый Кульеган 38 в Сургутском Приобье (итоги работ 2000 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2011б. С. 255–310.
- Ивасько Л.А.* О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 112–122.
- Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.* Неолитические комплексы селища Черная 3 // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 199–217.
- Крижевская Л.Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 160 с.
- Морозов В.М., Стефанов В.И.* Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // ВАУ. Екатеринбург; УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 143–170.
- Погодин А.А.* О времени заселения человеком северо-востока Западной Сибири // Урал в прошлом и настоящем: Матер. науч. конф. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 99–103.
- Рудковский И.В.* Петровоборская керамика, или новое о неолите Верхнего Приобья // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. Т. 2. С. 149–154.
- Сальников К.В.* Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнография Башкирии. Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1962. Т. 1. С. 16–58.
- Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Е.М. Беспрозванный, А.Д. Дегтярева, О.Н. Корочкова и др.* Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. 192 с.
- Стефанов В.И.* Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут: Изд-во МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. С. 97–112.
- Стефанов В.И.* Могильник Товкуртлор 3: Сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // РА. 2006. № 1. С. 44–58.
- Стефанов В.И., Борзунов В.А.* Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 93–111.
- Чемякин Ю.П.* Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2008. 224 с.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.
- Чемякин Ю.П.* О «новом» типе неолитических памятников в Сургутском Приобье // XVIII Урал. археол. совещ.: Культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа, 2010. С. 360–361.
- Чемякин Ю.П.* Радиоуглеродные даты памятников Барсовой Горы // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 248.

* Екатеринбург, индивидуальный предприниматель
mail@karacharov.ru

** Уральский федеральный университет
ver2142@yandex.ru

Subject to publication being data from the site of Kuchimino 40.1, located in West Siberia in Surgut Low Ob' basin. Despite a laconic character of the complex and quite a detailed archaeological study of the region, it turned out impossible to introduce it accurately into a modern periodization scheme with regard to antiquities of West Siberian North. The complex could be equally attributed to the Neolithic Age and to the early Bronze Age, while a set of stone artifacts — to the Mesolithic as well. The paper aimed at involving a broad circle of experts into a discussion of the presented materials and into a search of new facts in an effort of its accurate interpretation.

Mesolithic, Neolithic Age, Bronze Age, stone inventory, pottery, site, Kuchimino 40.1, West Siberia, Ob', Surgut Low Ob' basin, Saigatino.